

тического единства, к ним относятся понятия элементарных форм соединения (конъюнктивное, дизъюнктивное и гипотетическое соединение положений, понятия субъекта и предиката); а также изучение формальных предметных категорий, к ним относятся понятия предмета, соотношения вещей, единства, множества, простого соединения. Так как значение для Э.Гуссерля есть некоторая абстрактная сущность, то общее, «что проявляется во всех фактических высказываниях некоторого предложения»¹⁰, можно было бы утверждать, что «чистая логика» Э.Гуссерля есть наука, изучающая синтаксис и семантику некоторого абстрактного /формального/ языка. Формальные предметные категории и теории, связанные с ними, относились бы полностью к семантике, тогда как некоторая часть чистых категорий значения составляли бы синтаксис абстрактного языка. (Здесь возникает возможность отвести угрозу превращения в «порочный круг» от доказательств в логике – предложить различать язык-объект (абстрактный язык) и метаязык (соответственно доказательства и метадоказательства).

---

¹⁰ Бегишвили А.Ф. Проблемы начала познания у Б.Рассела и Э.Гуссерля. — Тб., 1969. — С. 15.

А.П.Петров

ИДЕЯ МЕССИАНСТВА И РУССКАЯ НАУКА

В философии науки и научной публицистике на рубеже 80-х и 90-х годов критика тоталитарных установок в науке включает требование «очищения» ее от идеологических деформаций. Большая доля истины в этом требовании есть. Однако ситуация не так проста. «Тоталитарный пресс» в науке возник далеко не случайно. Рассматривать науку изолированно от других социальных реалий вряд ли возможно. Наука – это явление культуры. Данный тезис далеко не общепризнан в среде научной общественности, особенно среди представителей естественных наук. Здесь есть что сказать философу-гносеологу.

Эллинская геометрия, английская физика, французская математика и т.п. понятия давно получили право на существование. В таком же смысле есть основания говорить и о русской науке. Хотя научные знания ориентированы на исследование объективной реальности, что и позволяет применять эти знания на практике, но все же следует признать, что схемы структурирования, исследовательские программы зависят от субъекта, а значит, и его особенностей. Один из главных аспектов существования науки, весьма значимый в обществе, ее стержень – это программа развития науки, в создании которой играют роль самые разные культурно-национальные составляющие, включая даже особенности религиозно-мифологических представлений. Программа влияет на формирование предмета науки, она заставляет отдавать предпочтение тем или иным отраслям науки. Роль околонучной культурной среды весьма значима.

XIX век в России – век «освобождения», и российская наука подчинилась этой общей идее. Представители отечественной науки ориентируют ее на просвещение народа. От науки ждут содействия главной задаче – переустройству мира в

© А.П.Петров, 1998

интересах обеспечения народного благосостояния. Навязывание науке таких сугубо инструментальных задач и одновременно при этом нигилистическое непризнание собственно научных ценностей привело к тому, что, несмотря, казалось бы, на определенный культ науки (особенно так называемых точных наук), позитивизм как определенное умонастроение не имел адекватного восприятия в интеллигентском сознании. В ракурсе подобной истории уже не кажется странной репрессивная политика позднейших эпигонов-примитивистов в отношении целого ряда таких научных дисциплин, как кибернетика, генетика, педология, логика и др. В то же время это отношение парадоксально задавало путь движения национальной науки.

Если оценить отношение русских к науке вообще, а не только отдельно взятое так называемое «освободительное» движение, то оно преимущественно характеризуется желанием подчинить ее более высоким целям. За всем этим кроется нежелание или неспособность признать за наукой самодостаточность и самоценность как особого явления культуры.

Русская наука – это не только, а может, и не столько наука, географически связанная с Россией и внесшая несомненный вклад в общечеловеческую копилку знаний, сколько явление культуры, развитие которого хоть и проходило по специфическим правилам и отвечало общепринятым критериям научности, однако в постановке вышеназванной программы решающую роль сыграл национальный менталитет, в котором вся структура миропонимания держится, как мне представляется, на идее мессианства. Мессианство как умонастроение исходит из ощущения того, что этот мир плох. Но отсюда еще не следует само мессианство – есть и другие исходы. Второй важный момент в образовании мессианского мировоззрения – это вера в то, что мир можно изменить, причем изменить одномоментно. Это спасение предстает как своеобразный подвиг. И, наконец, еще одна составляющая в этом умонастроении: на этот подвиг способен не каждый, а лишь уполюномоченные Богом. Мессия (от древнееврейского «машиах») буквально означает «помазанник». Кто помазанник Божий? Для большинства русских мыслителей этот вопрос не вызывал сомнения. Конечно же, наш народ!

Термин «мессианство», используемый автором, не противоречит общепринятому смыслу данного понятия, но есть определенные новые оттенки и некоторое смещение смысла. В структуре мессианства имманентно наличествует система целесообразности, которая представляет собой фундаментальные смыслы объяснения мира, указывает цели и побуждает к движению в определенном направлении. Что же такое мессианство, если брать глубинное метафизическое значение данного понятия? По-моему, это есть некая единица массива, обладающая большей потенцией по сравнению с другими единицами окружающей среды (массива). Она (эта единица), как правило, чужеродна, точнее, формально она имманентна среде, а фактически трансцендентна по потенциям, по предназначению. Наиболее энергетически мощная единица пытается воздействовать на среду (массив), желая компенсировать свою физическую малость. В результате энергия мессии спадает, а масса приобретает новое качество.

На протяжении веков различные культурные явления в России развивались под воздействием мессианства. Разные культурные феномены, воздействуя друг

на друга, взаимно поддерживают мессианскую направленность друг друга. Мессианство приобрело определенную самодостаточность для того, чтобы саморазвиваться и даже самоусиливаться. Кроме того, в поддержании этого процесса сыграли значительную роль и внешние факторы. Например, географический. Громадная территория и несметные природные богатства «давят» на умонастроения нашего народа, подпитывая идею богоизбранности. Климатический фактор также оказывает сильное воздействие. Труд на прорыв, который предстает, как подвиг, и потому возможный только одномоментно, наша всегдашняя надежда на авось лишь укрепляют мессианские настроения.

Для русского мессианства Мессия – это русский народ. Наиболее ярко и выпукло подобные умонастроения дают о себе знать в духовно-практической сфере – политике, идеологии, гуманитарных науках, в искусстве, прежде всего в литературе и публицистике. Однако это мировосприятие влияет и на естественные науки, да и в целом задает вполне определенные схемы познания мира. Действительно, всепоглощающее желание русской мысли охватить все в едином и направить на определенную цель, тем самым установить сакральные связи и обнаружить какой-то общий смысл повлияло и на характер развития русской науки.

Не случайны успехи всевозможных систематизаторов. Наиболее яркие примеры – Д.И.Менделеев и его периодическая таблица химических элементов, Н.И.Вавилов и его гомологические ряды. Весьма показательно и учение В.И.Вернадского о ноосфере. Многие ученые отвергают его за ненаучность. Если снять негативный смысл ненаучности, то с ними можно согласиться. Действительно, его учение о ноосфере являет собой не совсем привычный для науки способ изложения идей. Оно предстает как переходный мостик от абстрактной философии к конкретной, точнее, к ее систематизирующей и обобщающей части. Еще одна яркая особенность и направление русской науки – космизм. Он тоже не случаен. Высокая цель и высокий смысл вдохновляли творчество К.Э.Циолковского. С позиций сегодняшних воззрений он не только ученый, но и философ религиозного толка. В его мировоззрении прослеживается тенденция: от философских идей с религиозно-мессианской направленностью к теоретической науке и практическим изобретениям. Возможно, не случайны и успехи русских ученых и изобретателей в области связи и транспорта. Фамилии достаточно хорошо известны. Проникнутое духом мессианства русское общество указывало направление деятельности своим талантливым, технически мыслящим сыновьям. Так происходила трансформация гуманитарных идей в специфическую научно-техническую деятельность.

Мессианство как умонастроение включает в себя посыл связи, желание сплотиться, иначе попросту невозможно движение «широких масс» к заданной цели. Так трансформировалась религиозность русского мессианства. Пусть это положение не покажется странным. Когда мы переводим религию как связь (т.е. восстановление, *ligio* – связь, лига), то нередко по ассоциации всплывают современные виды связи (телефон, радио и т.п.). Но ведь религия – более ранний способ связи, чем любая другая коммуникация, порожденная чудесами техники.